

¹⁷ Запарий В.В. Черная металлургия Урала XVIII–XX веков. Екатеринбург. 2001. С. 132.

¹⁸ Сапоговская Л.В. Уральская горнозаводская промышленность на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 52.

¹⁹ Дмитриев А.В. Иностранный капитал на Урале // Урал. 1993. №4. С. 163.

²⁰ Сапоговская Л.В. Уральская горнозаводская промышленность на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург. 1993. С. 57.

²¹ Гаврилов. Д.В. Социально-экономическая структура горнозаводской промышленности Урала в период капитализма (1961–1917 гг.) // Промышленность и рабочие Урала в период капитализма (1861–1917 гг.) Екатеринбург. 1991. С. 71.

²² Дмитриев А.В. Иностранный капитал на Урале // Урал. 1993. №4. С. 165.

В.А. Манин (СурГУ)

ГОРНОЗАВОДСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ЛЕСАХ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Проблема возникновения горного лесного законодательства специально нигде не исследовалась. Появление этого раздела права связывается с возникновением горного производства в начале XVIII в.

Первое известие о зарождении лесного права мы находим значительно раньше, начиная со времен «Русской правды». Так, еще при Ярославе Мудром устанавливалось жестокое наказание за поджог и вырубку чужого леса. Первые законы о лесах свидетельствуют о начавшемся процессе оформлении и дальнейшем развитии частной собственности на леса. В конце XV в. в Московском государстве появились территории, где леса оказались настолько вырубленными, что потребовались правительственные меры для защиты их от истребления. В 1485 г. Иван III издал первую охранную грамоту, запрещающую самовольные порубки в отдельных местах княжества¹.

В XVI—XVII вв. политика раздачи лесов продолжалась. Только одни Строгановы за период с 1558 г. по 1694 г. получили на востоке страны более 9 млн десятин земли, в основном занятых лесами.

В середине XVII в. в центральных районах Московского государства беспорядочная рубка лесов продолжалась. Правительство вынуждено было регламентировать в законодательном порядке права частных лиц на порубку леса. До начала XVIII в. наиболее полный свод

законодательства, касающийся лесов, был приведен в Соборном Уложении, где лес упоминается в 67 статьях из 958. Положение Уложения 1649 г., что леса не составляют исключительное право собственности одного только землевладельца, сохранился в России до Екатерины II².

Наиболее строго ограничения в пользовании лесом касались только засечных черт. В частности, на это указывалось при передаче Н. Демидову в 1701 г. для промышленных нужд земли в Щегловской засеке.

Требование, чтобы он «леса однолично берег и велел сечь сряду, чтоб то место запустя опять поросло», самым ультимативным образом продекларировано в «Памяти» от 6 декабря 1702 г., регулировавшей условия передачи ему Невьянского завода на Урале. Кроме того, для охраны лесов ему было велено «учинить объезды почаству», объясняя это тем, что «мужики своим глупым неразумением или озорничеством леса жгут», а заводы без лесов работать не могут. За это нарушителей было приказано жестоко наказывать «кои зажигают, бив их при многих гораздо, ... чтоб то зажигание было во всех страшно», а затем отсылать в города. По всей видимости, причиной подобных законодательных ограничений мог послужить негативный опыт Швеции, которая из-за нерационального отношения к лесному богатству извела свои леса. Подобный пример русский законодатель мог найти и в Англии.

Началом коренного преобразования в сфере использования лесного хозяйства стал указ от 1703 г. Данным нормативным актом повелевалось: «Во всех городах и уездах описать леса. От больших рек в стороны по 50 верст, а от малых рек, которые в те большие реки впади, а сплавному ходу по ним быть мочно, в стороны ж по 20 верст».

Петр I объявил все леса государственной собственностью, выделив «заповедные» леса. Заведование этими лесами возлагалось на Адмиралтейскую Коллегию³. Была составлена особая охранная инструкция, по которой все леса в губерниях рекомендовалось клеймить разными клеймами в зависимости от назначения леса. Этой же инструкцией всем частным владельцам лесов запрещалось в собственных дачах рубить «заповедный» лес, годный на корабельное строение. Владельцы частных лесов должны были дать подписку о том, что указ «слышали и исполнять будут»⁴.

И все же принимаемые центральной властью меры оказывались недостаточными и требовали продолжения. Это хорошо начинали понимать уральские горнозаводские власти. Так, в доношении в Берг-коллегию от 27 мая 1721 г., подписанном капитаном Татищевым, предлагалась целая программа сохранения горных заводских лесов. В

пункте 3-м рекомендовалось запретить всем рубить молодые леса и предлагались меры по более рациональному их использованию⁵.

С небольшими изменениями эта программа была одобрена и Берг-коллегией, которая, как вышестоящее учреждение, в своей резолюции от 20 июня 1721 г., отказала от приписки к горным заводам 15-верстной окружности. Вместо этого рекомендовалось разделить близлежащие леса на 15 годовых мер, взяв за их основу объемы вырубленного в целях промышленного производства в предшествующем году. Только когда запланированная доля будет вырублена, переходить к следующей. Одновременно было одобрено и предложение о введении института объездчиков, в помощь которым рекомендовалось выделять крестьян с окрестных деревень, которые должны были следить за тем, чтобы никто, кроме как в выделенной на данный год лесосеке, леса не рубил. При сохранении этой системы чиновники из Берг-коллегии надеялись, что никогда в лесах для заводов «оскудения не будет»⁶.

Вопреки принимаемым мерам, на наш взгляд, носившим локальный характер, «оскудение» не прекращалось. Реалии жизни иллюстрировали картину прямо противоположную. Уже при первом осмотре горных уральских заводов новый управляющий, генерал-майор де Геннин писал в кабинет Петра о высшей степени нерациональном использовании лесов местными жителями. В письме отмечалось, что хорошие деревья рубят для ловли белок, а на уголь используются только сучья, ствол же из-за лени оставляют гнить⁷.

О дальнейшем развитии законодательства об охране лесов можно судить по инструкции упомянутого выше де Геннина, изданной 15 октября 1723 года. В ее 10-й главе «О лесных надсмотрщиках и надзерании лесов около заводов» продолжена линия, намеченная ранее. Однако крупномасштабных мер, позволяющих серьезным образом повлиять на сложившуюся практику пользования лесом, инструкция не предлагала. В качестве главной панацеи, нацеленной спасти ситуацию, предлагалось пойти чисто бюрократическим путем, характерным для регулярного государства, построенного Петром I. Рекомендовалось увеличить штаты людей, отвечающих за данное дело, и ввести дополнительные должности. На заводах им должны были стать специальные надсмотрщики.

Анализируя инструкцию, представляется возможным акцентировать внимание на серьезных проблемах, решению которых она была посвящена. В качестве одной из них мы можем указать выделение заповедных заводских лесов. Так, в 1-м пункте названного документа со-

держалось запрещение самовольной вырубki леса в двадцати верстах от заводов вверх по рекам, по котором дрова доставлялись к заводам. В остальные стороны запрещалось рубить леса от завода в десяти, а от рек — в пяти верстах.

Впервые в этом документе регламентировался размер штрафа за самовольную порубку в двадцать копеек за каждое дерево. В 5-м пункте инструкции речь шла о запрещении на местах бывших куреней на расстоянии ближе 5 верст от заводов заводить пашню. Законодатель предусматривал и такой случай, если сами деревни окажутся ближе к заводам, чем выше обусловленные 5 верст. В этом случае рекомендовалось переселять часть жителей из такой деревни в другие места. Для оставшихся крестьян таких поселений новые места под пашню расчищать запрещалось.

Многие положения этой инструкции уральских горных властей об охране лесов вошли в общерусское законодательство — Вальдмейстерскую инструкцию 1723 г.⁸, которая ввела специальную должность по охране лесов — вальдмейстер, по функциям тождественную предложенной в инструкции должности надзирателя. Кроме того, в общегосударственное законодательство вошли многие положения, разработанные на Урале, касающиеся порядка пользования и охраны лесов.

Таким образом, развитие в России в первой четверти XVIII в. общегосударственного лесного законодательства шло быстрыми темпами. В первую очередь оно касалось охраны корабельных лесов. Зарождающаяся русская промышленность успешно использовала нормы этого права, активно адаптируя их к нуждам промышленности страны.

Важно отметить, что развитие этих норм на местах (как мы пытались показать на примере Урала) в дальнейшем оказало влияние на все общерусское лесное законодательство.

Примечания

¹ Шелгунов Н. История Русского лесного законодательства. СПб., 1857. С. 5.

² Арнольд Ф. К. История лесоводства в России, Франции и Германии. СПб., 1895. С. 46.

³ ПСЗ. Т. 5 №3464, 3548.

⁴ ПСЗ. Т. 6 №3967.

⁵ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 733. Л. 301-304.

⁶ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1, Д. 733, Л. 309-309 об.

⁷ Геннин В. де. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995. С. 78.

⁸ ПСЗ. Т. 7. №4379.